

ПРАВИТЕЛЬ СТРАНЫ СМЫСЛА

С. ЛИПКИН

МЫ ЧИТАЕМ по-русски газели и рубаи, сочиненные более ста лет назад бессмертным поэтом Индостана Галибом, и много чувств рождается в нашей душе, хотя не только жизнь, изображенная в этой книге, но и способы ее изображения не совсем нам привычны.

Когда появилась первая газель, когда четыре строки впервые замкнулись в трехрифменное кольцо? Давно это было, еще в донсламской Аравии, но в сознании читателей чудные стихотворные формы запечатлелись прежде всего благодаря «Адаму поэтов» — Рудаки, умному и нежному Хафизу, Омару Хайяму, Саади, Джами. Вряд ли уместно сейчас касаться тех исторических причин, следствием которых явилось индусско-мусульманское художественное творчество. Свообразие поэзии на языке урду — какое-то волшебное сочетание изобразительных средств таджикско-персидской литературы с индийским жизнеприятием. Об этом хорошо сказано в предисловии к книге лирики Галиба:

«Молодая литература урду прочно держалась корнями за родную почву Индии, хотя долго еще эта литература расцветчивала свои цветы красками чужой палитры».

Мирза Асадулла Хан, принявший по обычаю своих персоязычных учителей тохалус (псевдоним) Галиб, что означает «Победитель», оказался не только достойным продолжателем таких корифеев родной поэзии, как Вали Мухаммад Аурагабади, Мир Таки Мир, Назир Акбарабади, но и тем поэтом, которому достался завидный, редкостный жребий — открыть свой народ миру и мир — своему народу. Он писал на двух языках. Его газели на фарси великолепны, я читал их, наслаждаясь мастерством, живописностью стиха, но, думается, что именно на языке урду поэзия Галиба стала тем садом, чьи плоды и поныне питают мысли и чувства наших современников, говорящих на этом языке.

О стихотворной форме газели стоит поговорить. Ее двустишия обладают свойством непреложности. Страстность, мудрость, красноречие, музыкальность — вот четыре основы газели. Вместе с тем двустишия, нанизанные непременно на одну рифму, уже как бы содержат в себе опасность (трагическую для эпигонов) рассыпаться так, что стройно задуманное здание стихотворения превращается если не в груды раз-

Мирза Галиб. Лирика. Перевод с урду Веры Потаповой, М., «Художественная литература», 1969, 200 стр.

валин, то (и у нас на виду) в группу частей, порою красивых, но между собою не связанных. Эту связь найти тем более трудно, что двустишия газели нанизаны с тем хитрым умыслом, чтобы им можно было дать несколько толкований. Затвердевшая символика вдруг изнутри взрывается новизной восприятия, но бывает и так, что свежие впечатления бытия облекаются автором в панцирь канонических символов, и нелегко читателю добраться до их животрепещущей сути.

Галиб еще более усложнил и без того сложную ткань газели. «Буду трудно говорить: простота сложнее намного», — утверждал он с некоторым даже задором и как бы предугадывая мысль Пастернака о том, что «нельзя не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту». Так утверждая. Галиб потом признавался:

Отличные поэты есть!

Однако люди говорят:

— Пошиб у Галиба другой!

Чекан упругих фраз — другой!

Разумеется, Галиб складывал стихи сложно не ради сложности — иначе он не был бы великим поэтом. А велик он потому, что любил людей, и эту любовь выразил в таких словах, что его народу кажется, будто он сам, народ, написал эти слова!

*В легком деле найдешь неожиданно
трудности долю.*

*Человек, чтобы стать человеком,
потрудится вволю.*

Давно уже замечено, что истинный поэт, даже самый печальный, всегда оптимистичен, ибо нет поэта без любви к жизни, как нет его без любви к людям. Вот почему даже строки, рожденные тоской и страданием, выпрямляют нашу душу, внушают нам веру в жизнь, если эта тоска, это страдание первичны, истинны и, возникнув в сердце художника, становятся нужными и нашему сердцу, — как вот это, например, четверостишие:

*Я — умерших от жажды сухие уста,
Я — паломников скорби святые места,
Я — обманутое, нелюбимое сердце,
Что разбила любовь, предала красота.*

У большого поэта каждое стихотворение живет и отдельной жизнью, и в сочетании с другими его творениями, обогащая их и богаче выражая себя. Мне кажется, что приведенное выше четверостишие, тоска одного сердца, сопрягается — быть может, не сразу ощутимой связью — со строками, в которых свободно и мужественно определена всеобщность человеческого бытия:

*Как должно понять созерцанье? —
задам я мудреный вопрос.*

*Ведь зримое, зрящий и зренье —
три грани, а сущность — одна.*

*Слагается жизнь океана
из многообразия форм.*

*Что значат в отдельности капля,
и пена, и даже волна?*

Галиб врачует всем быстро откликающимся сердцем своим и давний недуг Индии — религиозную вражду, из-за которой тело народа рассечено на части. Еще несравненный Кабир учил в XV веке:

*Мертв глупец, что возглашает:
«Прав мой бог, а твой бог лжив».
Кто богов объединяет,
тот и счастлив, тот и жив.*

И Галиб вслед за Кабиром, вслед за Мир Таки Миром, вслед за поэтами-индусами и поэтами-мусульманами, вслед за стихами на урду и за стихами на хинди настойчиво призывает соплеменников к единству, противопоставляя его слепой, мертвой и мертвящей вере:

*Бог один! Обрядность — ложью
Почитаю. Недоступны
Пустосвятству, разнობожью
Веры истинной крупницы.*

Много ли сочувственных слушателей, читателей находил Галиб при жизни? «Кому я поведу

горе, что некому горе поведать?» — спрашивал он у времени, у мира, у себя, и с какой болью он обнажал свой затаенный стон:

*Я живу мечтой диковинной
вместо жизни обыденной,
И подобен крику сказочной
птицы стон мой затаенный.
Что мне до весны и осени,
если в клетке бесполезные
Крылья вечно мне черещатся,
и скорблю душой смятенной..
К счастью, нрав мой жизнерадостный
верх берет над безнадежностью;
Руки, сжатые в отчаянье,—
клятва веры возрожденной.*

Читатель не может не заметить, что я привожу стихи Галиба в переводах, музыкально, естественно и темпераментно звучащих по-русски.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Качели

Я один на один со своею душой. Ночь грозовая.
С бурей играю, смерть вызывая,—
Смерть против смерти.

Темен дом. В даях гром.
Слышишь, мечется вихрь? Мир исхлестан дождем.
В этом страшном веселье взлетают качели —
Я и душа моя в бурю влетели,
Встав на качели.

Море, тучи и ветры, сплетенные в шквале,
О, толкайте, качайте, забросьте нас в дали!
Сумасшедшие вихри, нагрянув, нахлынув,
Бейте в спину!
Точно дети якши¹, в сотни ртов хохотали
Волны шторма и камни в обвале.
О, качайте, толкайте, забросьте нас в дали!

Пробудилась душа. Ощутил. Узнаю
Душу мою.
Я обрел ее вновь. Снова слился я с ней
Все тесней и тесней.
И от близости этой, от дыханья ее
Пляшет сердце мое.
Полнота. Бытие!

О, как долго жила в полудреме она,
В зыбком облаке сна.
Я держал ее в брачной постели
Дни, недели..
И с такою любовью, с заботой такою
Отгонял все тревоги дыханьем, рукою
В нашем брачном покое.

Наклоняясь над нею, ее целовал,
Овевал
Кроткой нежностью, к ней прикасаясь едва..
И такие рождались слова

¹ Якши — демоны в индийской мифологии.

Лунной ночью в узорах цветов, в тишине...
Я ей все приносил — все, что дорого мне,
Что сберег в глубине...

И уснула она, обессилев,—
Мои ласки ее утомили.
Придавили ей плечи гирлянды цветов.
Жизни зов
Перестал долетать к ней. И краски, мотивы
Все смешалось в бесстрастье сонливом, ленивом...

И увидел я вдруг, что возлюбленной нет.
Гаснет свет
Ночи свадебной. И посреди темноты —
Лишь сухие цветы, неживые цветы.
И тогда я очнулся. Я встал
И призвал
Шквал.

Буря, взвившая ночью!
Средь разорванных в клочья
Туч игру я затею
С душою моею —
Смерти игру. Мы на качелях, держась за канаты,
К небу взлетели парой крылатой,
Вихрями взяты.

Качайте, толкайте, забросьте нас в дали!
Пусть море бушует, взметается в шквале!
Мелодии смерти в грохочущем вале
Все звуки сливали и жизнь пробуждали.
Волненье, безумье! Взвиваются шали,
Рассыпались косы, браслеты упали.
В их звонком металле слова рокотали:
Качайте, толкайте, забросьте нас в дали!

Буря в просторах! Буря в крови!
Взметни и сорви
Покровы, которые душу скрывали.
Качайте нас, ветры, забросьте нас в дали!
Стыд жалок! Страх сброшен! В смятении, в гуле
Друг друга нашли мы, друг к другу прильнули,
Друг друга узнали, друг друга мы сжали!
Мы сон разорвали, мы сны расплескали —
И жизнью наполнились дали!

Перевела
Зинаида Миркина

Переводы принадлежат перу Веры Потаповой. Виртуозно владея русским стихом, поэтесса старается воспроизвести сложный стих Галиба средствами родного языка. Она не чуждается иноязычных слов, галлицизмов («секрет», «фантазия», «наивный», «кокетство»), придающих старинной газели краски современности, не чуждается и просторечий, столь пронзительно вторгающихся в высокий стиль:

Опусти мое сердце в солонку с поваренной солью!

Мне, стихотворцу, который на своем веку перевел множество газелей различных авторов, поучительно было познакомиться с новинкой, предложенной поэтессой для того, чтобы передать замысловатый рисунок стиха Галиба: единая редифная рифма, на которой держатся строки газели, получает дополнительное глубокое созвучие:

САЧИДАНАНДА ВАТСАЙЯН

Знаки жизни

Знаки жизни есть на всех ее поворотах,
но они незаметны для нас,
поскольку отшлифованные надписи — окозы наши

Вначале мы увидели восход,
и клинопись его была цветаста.

Жизнь делает нам знаки,
мы — подыскиваем к ним Слова.
«Слово есть бог, и слово есть тайна».
«Слово есть вещь в себе»
И когда в нас прозрела суть слова,
захотелось нам
нанизать красивейших слов ожерелье
в новых формах
и повесить на шею.
Мы уже понимали:
форма — это суть.

А мимо нас безмолвие текло,
вскипая, пузырясь
таинственными знаками.
И каждый пузырек нас волновал,
и каждый пузырек был болью острой.
Волненье! Боль!
Безмолвия таинственные знаки!

Нам знаки
жизнь вне слова подает,
а мы улавливаем только формы,
хоть форма
это просто очертанье
глубинных знаков —
незнакомых знаков.

*Является смерть непреложно
к молящему: «Не приходи!»
Тебя по-другому дозваться —
хоть кровью истечь — невозможно.
Работа моя многосложна,
а сила ничтожна моя,
Навьючить на плечи поклажу,
упавшую с плеч,— невозможно.*

Издательство «Художественная литература» обстоятельно знакомит нас с шедеврами поэзии Индостана. Книга лирики Галиба в переводах Веры Потаповой — новый драгоценный вклад в сокровищницу поэзии и дружбы стран и народов. «Я — правитель страны Смысла», — сказал о себе Галиб, и как хорошо, что сильная, порой противоречивая, всегда искренняя мысль великого национального поэта, писавшего в далекой от нас стране, на чужом языке, стала нам понятна, близка, стала нашей мыслью.

Слово.

Форма.

Следом — сигнал.

Сигнал, сигнал на каждом повороте —
неисчислимы знаки жизни,
в них скрыт смысл!

Но сколько надо стен бессмыслицы сломать,
чтоб зазвучало слово
во всей его свободе!

И будет ли у нас когда-нибудь в руках
то заклинание,
что их соединит?

О, дай мне смысл! О, дай мне суть!
Не затмевай его все время формой!
Уже мы понимаем знаки жизни,
но дальше дай пойти.
Довольно формы — смысла дай!

Мы голос обрели, заговорили,
познание слова было так прекрасно,
в нем истина и красота была!

Но наши все слова
быть не могли словами всех —
что мучит нас,
не каждому в мученье,—
и сложность наших чувств
нас отделила
от собственного бытия.
Мы вышли на дорогу,
но дорога
оказалась тупиком!

Что кончено? Что длится? Неужели
мы расписались в собственной кончине?
Неужто израсходовали мы
все знаки жизни?

Мы горбимся под бременем истории,
под бременем всех знаний,
что отливают форму жизни,
но все же впереди маячит что-то.
Еще есть впереди дороги поворот,
но кто сигнализ нам на повороте?

*Перевел
Петр Вегин*